

противников и даже получил «копию сфабрикованного Зубатовым письма», которую сразу же представил императору². Участие Витте в этой интриге не могло не усилить и без того уже наметившееся разочарование в нём Николая II, что несомненно ускорило удаление Сергея Юльевича из Министерства финансов и назначение его на почётный, но не столь влиятельный пост председателя Комитета министров. Ещё ранее прервалась карьера Зубатова, который был уволен со службы и выслан под надзор полиции во Владимир. Но «старика Мещерского» Николай II по-прежнему продолжал изредка принимать вплоть до 1914 г.³ К сожалению, в монографии этот эпизод не получил освещения, хотя он выразительно характеризует и положение, и приёмы кн. Мещерского, и его весьма специфическую преданность своему монарху.

В целом, Н.В. Черниковой удалось дать обстоятельный и убедительный анализ по-

литической, общественной и литературной деятельности кн. В.П. Мещерского, оказавшегося на рубеже XIX–XX вв. активным участником и вместе с тем символом драматического заката империи.

Примечания

¹ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 24. С. 20–21; Т. 25. С. 64.

² Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 70–75. См. также: Примечания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 1026.

³ Дневники императора Николая II (1894–1918) / Под ред. С.В. Мироненко. Т. 1. М., 2011. С. 769, 807; Т. 2. М., 2013. Ч. 1. С. 451, 522, 637, 668, 705; Ч. 2. С. 8–9, 13, 16, 37.

* * *

Фёдор Мелентьев

Друг царских сыновей

Fedor Melentev

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

Friend of the Tsar's sons

DOI: 10.31857/S086956870001584-3

Князь В.П. Мещерский известен как консервативный журналист и общественный деятель, внук Н.М. Карамзина, друг юности Александра III и политический наставник Николая II, «работодатель» Ф.М. Достоевского в еженедельнике «Гражданин», а также мемуарист, воспоминания которого остаются одними из наиболее востребованных в историографии. При этом трудно назвать другого деятеля российской истории XIX – начала XX в. (за исключением, пожалуй, Г.Е. Распутина), чья общественная репутация была бы столь однозначно неприглядной. Возможно, именно с этим связано то, что до сих пор не существовало его сколько-нибудь полной научной биографии. Н.В. Черникова объясняет это, в частности, тем, что «Мещерский является удобной мишенью для критики, но сложной фигурой для исследования» (с. 124).

Поэтому появление рецензируемого труда не могло не стать заметным событием для исследователей политической истории России и русской мысли. Черникова давно и плодотворно изучает деятельность князя и опубликовала внушительную часть его эпистолярного наследия¹. Специалисты уже оценили не только значение писем кн. Мещерского к вел. кн. Александру Александровичу, но и высокое качество их издания².

Нельзя сказать, что кн. Мещерский обделён вниманием современных историков. Ему посвящены монографии А.С. Карцова, М.М. Леонова, И.Е. Дронова, И.А. Прониной³, естественно, полемизирующих друг с другом и по-разному характеризующих личность и мировоззрение князя, а также степень его влияния на сановников и августейших особ. При этом Черникова, как и Дро-

нов, не соглашается с мнением Прониной о том, что кн. Мещерский был «представителем тупиковой ветви консервативной мысли пореформенной эпохи» (с. 17), сомневается в обоснованности суждений С.В. Петрова о воздействии на князя идей Н.Я. Данилевского⁴ (с. 18–19), усматривает зависимость статьи В. Моссе от работ П.А. Зайончковского и Ю.Б. Соловьёва (с. 23)⁵. Анализируя работы предшественников, Черникова указывает, что ни в одной из них деятельность кн. Мещерского не рассматривается «на всём её протяжении», поскольку авторы «хронологически ограничивают» свои исследования теми или иными рамками и это не позволяет им «провести всесторонний анализ» (с. 17). Впрочем, тот же Дронов в 2009 г. делал ей сущий упрёк: «Черникова в своей диссертационной работе отрицает какую-либо эволюцию взглядов князя. “В сути своей, — утверждает она, — политическая концепция князя оставалась неизменна на протяжении всей его жизни”. Этот вывод Дронов считал “чрезмерно категоричным хотя бы потому, что хронологические рамки работы ограничены рубежом 1860–1870-х гг. — 1894 г.»⁶.

В целом в историографическом обзоре охарактеризованы почти все наиболее существенные исследования. Не хватает, пожалуй, лишь упоминания хорошо известных монографий А.Ю. Полунова и О.Л. Фетисенко (где есть целый раздел «“Терпимый за неимением лучшего”»: Леонтьев и “Гражданин” князя Мещерского»), статьи В.В. Ведерникова, уделившего значительное внимание взглядам издателя «Гражданина», диссертации В.А. Астанкова, проанализировавшего его влияние на вел. кн. Александра Александровича, а также книги А. Колодзейчик «“Мои воспоминания” князя Мещерского: поэтика, портрет российской элиты, видение польской культуры»⁷.

Черникова опирается на широкий круг документов, хранящихся в шести московских и петербургских архивах. Надо отдать должное трудолюбию исследовательницы, тщательно изучившей эпистолярное наследие кн. Мещерского, почерк которого, по его собственным словам, подчас представлял такую «тарабарскую грамоту»⁸, что Александр III даже просил князя писать «более чётко»⁹. Но при всём богатстве использованных в книге неопубликованных источников особенно любопытны наблюдения автора над изданными ещё в конце XIX — начале XX в. мемуарами князя. Как отмечает исследовательница, «воспоминания Мещерский писал на основе несохранившегося дневника, доказательством чего служат текстуаль-

ные совпадения в письмах к Александру III и в воспоминаниях, “Речах консерватора” и номерах “Гражданина”» (с. 26). При этом, по её мнению, «объективность не только приводимых Мещерским сведений, но и некоторых его оценок уже не подлежит сомнению» (с. 26). Но, вероятно, в данном случае речь всё же идёт не об объективности, а скорее о степени достоверности написанного князем в воспоминаниях. Ведь в монографии прекрасно показано, что сравнение мемуаров кн. Мещерского с другими источниками позволяет восстановить более полную и сложную картину прошлого. Так, например, «в конце XIX в. Владимир Петрович будет превозносить своего отца как помещика-христианина, своим отношением к крестьянам сделавшего для крестьянского дела и славы русского дворянства больше, чем признанные деятели крестьянской реформы. Но в начале 1870-х внезапное открытие истинного материального положения семьи стало для князя нелёгким ударом» (с. 129–130). В другом случае Черникова и вовсе называет версию событий, изложенную в «Моих воспоминаниях», полуправдой (с. 135). Так что и к этому источнику можно отнести её замечание, касающееся других мемуаристов: «В ряде случаев приводимые ими сведения носят фантастический характер и требуют проверки» (с. 29).

Один из важнейших периодов в жизни кн. Мещерского, подробно рассмотренных в книге, связан с его сближением с подраставшими великими князьями Николаем, Александром и Владимиром Александровичами, а также с молодым герцогом Николаем Максимилиановичем Лейхтенбергским. Во многом благодаря установленным ещё в 1860-х гг. дружеским отношениям со старшими сыновьями Александра II князь смог впоследствии в той или иной степени влиять на двух последних императоров или, по крайней мере, убедить общество в способности такое влияние оказывать. В 1861 г. 22-летний князь по рекомендации императрицы Марии Александровны представился 18-летнему наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. «Я надеюсь, что вы хорошенько познакомитесь», — писала 22 сентября 1861 г. императрица старшему сыну (письмо ему должен был передать Владимир Петрович)¹⁰. Однако к другим сыновьям с такими советами она не обращалась. Поэтому утверждение, будто «Мещерского хотели сблизить с великими князьями» (с. 52), не вполне точно — знакомство должно было состояться прежде всего с наследником, о чём, собственно, и писал Б.Н. Чичерин, на которого ссылается исследовательница¹¹.

Да и сам кн. Мещерский изначально стремился именно к этому. «Мне хотелось быть его Карамзиным», — признавался он впоследствии (с. 53).

Вскоре между князем и цесаревичем Николаем Александровичем завязалась переписка. Осуществлённая 15 лет назад наиболее полная публикация её части, хранящейся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке¹², до сих пор почти не используется исследователями. Однако Черникова, анализируя материалы РГАДА и более раннее издание писем августейших особ к кн. Мещерскому, обоснованно утверждает, что «корреспонденция немало способствовала сближению молодых людей» (с. 60). Действительно, в данном случае письма являлись не только выражением сложившихся отношений, но и способом их укрепления и развития, тем более что «цесаревич быстро понял ценность Мещерского как выходца из другого мира, своего рода «информатора», но не всегда мог принять его как человека» (с. 61), очевидно, противодействуя попыткам князя влиять на него и не разделяя свойственной тому экзальтированной сентиментальности. И всё же это «не помешало князю в скором времени стать одним из по-настоящему близких людей для наследника престола Николая Александровича» (с. 62).

По мнению Черниковой, «так же относился к Мещерскому и Александр Александрович» (с. 62), подтрунивавший над князем, подражая старшему брату (с. 61). Тем не менее в 1865 г., после смерти цесаревича Николая Александровича в Ницце, кн. Мещерский на какое-то время оказался «незаменимым человеком для наследника престола, его ближайшим другом и советчиком» (с. 63). Не случайно именно ему 12 апреля вел. кн. Александр Александрович излил свои чувства, вызванные семейной трагедией¹³. Личные письма наследника престола, безусловно, представляли для кн. Мещерского особую ценность. Он бережно хранил их, а вскоре после смерти Александра III опубликовал факсимиле нескольких строк, полученных от него весной 1868 г.: «Вы можете себе представить, с каким чувством я снова приезжаю в Ниццу, которая вся с своим великолепным воздухом, морем, климатом напоминает мне самую тяжёлую минуту моей жизни. Приехать простым великим князем, а уехать наследником тяжело, и в особенности лишившись самой моей верной опоры, лучшего друга и любимейшего брата! Но что же делать, это воля Божия, и недаром мы ежедневно повторяем: *“Да будет воля Твоя”* (выделенный курсивом фрагмент подчёркнут

в подлиннике. — Ф. М.)»¹⁴. В той или иной степени искажённые, эти слова до сих пор встречаются в биографиях Александра III без указания, кому они были адресованы.

Вел. кн. Александр Александрович довольно редко писал Владимиру Петровичу, буквально бомбардировавшему, по его собственному выражению¹⁵, своими письмами цесаревича. С одной стороны, это объяснялось напряжённым распорядком дня наследника престола, который часто был занят исполнением церемониальных и этикетных обязанностей. «Несносная жизнь, даже по утрам редко бываю свободен, — жаловался он кн. Мещерскому 15 ноября 1866 г., вскоре после своей свадьбы. — Вечно кто-нибудь представляется или откланивается. Днём бывают смотры для принцев, на которые я должен являться». «Теперь Вы можете себе представить моё молчание на Ваши письма и в каком настроении я их получал», — сетовал великий князь¹⁶. С другой стороны, он явно не был готов к полной откровенности и не без кокетства заявлял 30 июня 1865 г.: «Я признаюсь, что слишком скрытен; но что же делать, когда это мне доставляет удовольствие. Но я уверен, что если бы я был Вам известен, то Вам не доставляло бы никакого удовольствия писать мне письма и давать мне вопросы, на которые я, хотя и уклончиво, но всё-таки отвечаю»¹⁷. Противоречивость этих отношений рельефно показана в монографии.

Своего рода альтернативой переписке стало инициированное кн. Мещерским ведение и совместное с цесаревичем чтение дневников. При этом Владимиру Петровичу было важно, чтобы великий князь делился с ним не сухим перечислением событий, а «ежедневными записями чувств и впечатлений». Таким образом, по словам Черниковой, его текст должен был превратиться «из информативно-событийного в аналитический» (с. 80). Если бы это удалось, князь смог бы «читать мысли» наследника престола, но konuşязычный цесаревич так и не сумел в полной мере справиться с поставленной задачей. Однако нельзя не отметить эпистолярный характер некоторых дневниковых записей, сделанных им в периоды особой близости с кн. Мещерским. Без учёта этого обстоятельства трудно понять особенность данного дневника.

Так или иначе, как пишет Черникова, «долгие беседы, письма, записки, чтение дневников и вообще постоянное присутствие князя ставило под контроль всю жизнь молодого цесаревича» (с. 81), которого это, естественно, вскоре начало тяготить. В книге показано, что уже с 1868 г. его отчуждение проявлялось всё более заметно, год спустя

кн. Мещерский тшетно интриговал против ближайшего окружения вел. кн. Александра Александровича, а в 1871 г. вынужден был прекратить попытки «влиять на жизнь великокняжеской четы» (с. 82, 85).

Не удивительно, что Владимир Петрович стремился разными способами, тщательно реконструированными исследовательницей, удержать внимание августейшего друга, предлагая ему то возглавить сбор средств для помощи голодающим (с. 86–89), то издать сборник воспоминаний участников обороны Севастополя (с. 89–91), то организовать Ремесленное училище цесаревича Николая (с. 91–94), то устраивать во дворце ёлки для бедных детей (с. 94–95), то «создать вокруг наследника как можно более широкий круг людей, из которых впоследствии тот сможет избирать своих сотрудников и помощников» (с. 96). Как справедливо указывает Черникова, «именно тогда, во второй половине 1860-х, были заложены основы политического салона Мещерского, игравшего заметную роль в жизни Петербурга в 1880–1890-е гг.» (с. 98). Наконец, ещё одним средством «политического воспитания наследника» оставались письма (с. 99–100). Впрочем, у кн. Мещерского подчас возникали сомнения в том, насколько внимательно они читались (с. 100).

Но хотя, по словам историка, «с течением времени расположение Александра Александровича, на котором единственно и держалось положение Мещерского при дворе, всё более падает» (с. 127), сам князь требовал абсолютного доверия и даже шантажировал цесаревича прекращением дружбы, одновременно компрометируя его публичными заявлениями об оппозиционности своего кружка правительственному курсу. «Последней каплей, переполнившей чашу терпения наследника», оказалась «чрезмерная настойчивость Мещерского в просьбе субсидировать задуманное им создание собственного печатного органа», что и привело к решительному разрыву в марте 1873 г. (с. 128). Черникова убедительно показала, что, вопреки распространённому мнению, в 1870-е гг. наследник престола не оказывал материальной поддержки «Гражданину» (с. 130). Помогать изданию деньгами Александр III начал только в 1882 г. (с. 243).

Тем не менее практически всё это время князь продолжал писать ему письма (с. 132–133), которые цесаревич, по-видимому, читал (по крайней мере, в записной книжке, куда он записывал полюбоившиеся стихи, сохранились произведения Владимира Петровича «Рушукский отряд» и «Дума на святках», присланные 26 декабря 1877 г.¹⁸). А в мае 1883 г. — «впервые после 10-лет-

него перерыва» — император вновь принял кн. Мещерского (с. 307). В целом же, по словам Черниковой, «роль его для становления Александра III как политического деятеля была весьма значима» (с. 134).

Разумеется, что в обширном исследовании неизбежно встречаются мелкие неточности, не снижающие значения проделанной работы. Так, говорится, что Училище правоведения, в котором в 1850–1857 гг. учился кн. Мещерский, «подобно лицеям», «давало своим выпускникам чин на класс выше, чем университет, для которого высшей планкой был X класс» (с. 40). Между тем право на получение чина IX класса давало лишь отличное окончание Александровского лицея, тогда как выпускники Ришельёвского, Нежинского и Демидовского лицеев в указанный период могли рассчитывать в лучшем случае на чин XII класса. Герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский не ездил «с императором и его детьми в путешествие по России» (с. 54). Не совсем убедительно звучит предположение, будто «почвой для сближения» кн. Мещерского с вел. кн. Владимиром Александровичем в 1860-е гг. «стала литература». Обосновывается же оно лишь тем, что «Мещерский отделял письма тщательнее, т[ак] к[ак] тот попросил князя писать ему “литературно”» (с. 59–60). Цитируя по очерку Н.А. Рабкиной письмо Победоносцева, в котором говорилось о разочаровании в реформах (с. 103), Черникова, в отличие от Рабкиной, датировала его 14 декабря 1866 г., в то время как оно было написано в 1864 г. и предназначалось не Е.Ф. Тютчевой, а её старшей сестре Анне. Датировка же тут особенно важна, поскольку письмо свидетельствует о том, что Победоносцев и его единомышленники «изверились» в преобразованиях ещё до выстрела Д.В. Каракозова¹⁹. Но всё это не портит «Портрет на фоне эпохи», который подводит итог изучению биографии кн. Мещерского в последние десятилетия и, несомненно, послужит надёжной опорой для дальнейших исследований.

Примечания

¹ Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М., 2011; Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878. М., 2014; Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881–1894. М., 2018.

² См., например: Кочукова О.В. «Россия под пером замечательного человека»: Письма В.П. Мещерского великому князю Александру Александровичу из служебных командировок по России // Известия Саратовского универси-

тета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. Т. 13. 2013. Вып. 3. С. 20–27.

³ Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX вв.: (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004; Леонов М.М. Салон В.П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара, 2009; Дронов И.Е. Консервативный проект для России: общественно-политические идеи князя В.П. Мещерского. М., 2009; Пронина И.А. Князь В.П. Мещерский: консервативная оппозиция великим реформам. Волгоград, 2013.

⁴ Дронов И.Е. Консервативный проект... С. 10.

⁵ Там же. С. 8. Расходясь в написании фамилии автора статьи, Дронов и Черникова указывают, что она была опубликована в 1981 г. в № 3 «Славистического и восточно-европейского журнала», хотя она появилась лишь в № 4.

⁶ Дронов И.Е. Консервативный проект... С. 12.

⁷ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010 (обсуждение книги см.: Российская история. 2013. № 1); Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 325–339 (обсуждение книги см.: Российская история. 2014. № 2); Ведерников В.В. К.П. Победоносцев – публицист «Гражданина» // Победоносцев К.П. «Будь тверд и мужествен...». Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма. СПб., 2010. С. 5–53; Астанков В.А. Государственная деятельность цесаревича Алек-

сандра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014; *Kołodziejczak A.* «Moje wspomnienia» księcia Włodzimierza Mieszczerzkiego: poetyka, portret elity rosyjskiej, wizja kultury polskiej. Białystok, 2016.

⁸ Мещерский В.П. Письма... 1863–1868. С. 231.

⁹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 669.

¹⁰ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3233, л. 41 об. В подлиннике по-французски.

¹¹ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. М., 2010. С. 103.

¹² Correspondence: Grand Duke Nikolai Alexandrovich Romanov and Vladimir Petrovich Meshchersky // *New Zealand Slavonic Journal*. 2003. Vol. 37. P. 257–280.

¹³ «Ужасный день смерти брата... останется для меня лучшим днём моей жизни»: Письмо будущего императора князю Мещерскому // Родина. 2015. № 2. С. 11–12.

¹⁴ Император Александр III. М., 1894 (вклейка между стр. 264 и 265).

¹⁵ Мещерский В.П. Письма... 1863–1868. С. 578.

¹⁶ ОР РГБ, ф. 178, к. 7733, д. 1, л. 1 об., 2.

¹⁷ ОР РНБ, ф. 650, оп. 1, д. 1504, л. 1 об.

¹⁸ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 253, л. 4 об.–7; Мещерский В.П. Письма... 1869–1878. С. 550–553.

¹⁹ ОР РГБ, ф. 230, к. 5273, д. 2, л. 12 об.

* * *

Дмитрий Андреев

Атипичный консерватор

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Atypical conservative

DOI: 10.31857/S086956870001585-4

После выхода в постсоветское время нескольких монографических работ, посвящённых разным аспектам общественно-политической деятельности и публицистики одного из самых известных консерваторов конца XIX – начала XX в. – кн. В.П. Мещерского, фундаментальный труд Н.В. Черниковой подводит итоги изучения этой фигуры. Правда, по словам исследовательницы, «говорить о

всесторонней разработанности темы до сих пор нельзя», поскольку историки продолжают заинтересованно спорить о политических взглядах и уровне влияния князя (с. 5). При таких условиях, пожалуй, особенно важна вторая половина книги, в которой рассматривается роль Владимира Петровича в царствования Александра III и Николая II, так как именно тогда окончательно оформи-